

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

РОДОС МИКЕНСКОЙ ПОРЫ

(По материалам некрополя)

Далекое прошлое Родоса, окруженное легендами, начинает постепенно вырисовываться в свете усиленных археологических изысканий в последние 25 лет.

Систематические раскопки Ялисского некрополя, а затем и кремля, располагавшегося на горе Филерме, были начаты лишь с 1914/15 года итальянскими археологами; они продолжались с перерывами и в разных районах острова вплоть до начала второй империалистической войны. Они выявили богатейший материал, относящийся к позднемикенскому—III (по периодизации Эванса) периоду.

Хотя результаты раскопок публиковались в разных изданиях, материал все же до сих пор, насколько мне известно, в целом не исследован, и каких-либо положительных выводов из него до сих пор не сделано. Слабый интерес к ялисским раскопкам объясняется в значительной мере тем, что микенские находки на Родосе не выходят за пределы одного периода—позднемикенского, охватывающего последние столетия существования крито-микенской культуры (1400—1100). Общая точка зрения, повидимому, такова, что остров был уже заселен к моменту распространения микенского влияния, и свидетелем древнейшей истории острова служит догреческая топонимика и, прежде всего, имена трех родосских городов—Линд, Камир, Ялис. Кем он был заселен, сказать трудно, и сильные колебания во мнениях ученых показывают, насколько произвольно решается этот вопрос: называют карийцев, лелегов, хеттов.

Есть основания предполагать, что заселение Родоса происходило в значительной мере с Крита, что подтверждается и данными раскопок микенского некрополя Ялиса и данными самой родосской топонимики. На эту мысль, кроме того, наводит и самый факт охвата всего Родоса позднекритской цивилизацией, которая возникает, в буквальном смысле этого слова, на *пустом* месте, и возникает не в первоначальной, но в *поздней* своей стадии.

Прежде всего многие топонимические названия Родоса тесно связаны в своем происхождении с Критом. Названия двух древнейших городов Родоса, центров позднекритской культуры на Родосе, Ялиса и Камира, имеют определенную связь с топонимикой Крита. Так, *Ἰαλιός* находит себе аналогию в названии критской горы «*Ἰαλιός*», *Κάμιρος* является названием критского города Гиерапитны¹. Явно критское происхождение носит название и родосской гавани *Κρητίνα* с эпонимом *Κρητίνας*, к которому восходит название одной из камирских патр—*Κρητίναδαι*, входящей, что тоже интересно, в состав филы *Ἀλθαίμνις*. У Стефана Византийского под словом *Κρητίνα* дается объяснение, полностью подтверждаемое приведенными фактами: *Κρητίνα τόπος Κρήτης ἐν ᾧ οἴκουν οἱ παρὶ Ἀλθαίμηνυ*.

Ван-Гельдер, следуя Вилламовицу, не без основания предполагает, что Кретиния была местом древнего критского культа бога-героя Алфамена и что имя Алфамен только позднее было приурочено к дорийскому герою².

¹ Aug. Fick, *Vorgriechische Ortsnamen*, 1905, стр. 45—46.

² V. Celder, *Gesch. d. alten Rhodiern*, стр. 27 сл.

Любопытно отметить, что и термин Γυῆς, Ἰγυῆς, которым, по свидетельству древних грамматиков, называли себя додорийские жители Родоса, созвучен с термином Κρής, что в свое время отметил уже Геродиан¹.

Линдская храмовая хроника также подчеркивает связь с Критом, которая у позднейших историков Родоса воспринималась уже чисто мифологически. Составитель хроники историк и грамматик Тимахид, ссылаясь на 4 родосских историков: Ксенагора, Горгона, Горгосфена и Иеробула, вносит в число посвящений Афине Линдии серебряный кубок—дар Миноса с надписью: «Μίνως Ἀθηναί Πεδιάδι καὶ Διὶ Πολιάτῃ»².

Материал родосских некрополей³ подтверждает эти языковые свидетельства.

Ялссский некрополь датируется обычно с XIV по XI в. включительно, т. е. он охватывает период в 400 лет. Ни в более ранних раскопках—Билиотти, ни в более поздних—Маюри здесь не было обнаружено ни одного памятника крупной могильной архитектуры микенского периода, например типа толосной гробницы. Все погребения абсолютно однотипны: это обычные камерные погребения с дромосом, вырытые в мягком песчанике двух холмов, известных теперь под именем Moschu Vunara и Makra Vunara. Эта форма погребений в позднемикенский период очень распространена. Она характерна и для Крита, и для Кипра, и для материковой Греции, и для ионийских островов. Погребения эти расположены здесь небольшими группами; внутри этих групп они чаще всего идут параллельными рядами на небольших расстояниях друг от друга. Трупоположение совершалось, как правило, прямо на полу камеры, который предварительно посыпался или легким слоем песка, или мелким морским или речным гравием. Интересно отметить, что критские ларнаки, распространенные на ряде островов и в континентальной Греции, в ялссском некрополе, повидимому, совершенно отсутствуют.

Число трупоположений в погребениях не одинаково; в редких случаях в небольших камерах мы имеем одно захоронение; в подавляющем большинстве случаев в одном и том же погребении налицо несколько одновременных захоронений, причем число костяков неодинаково—от 2—3 до 10. Трупы преимущественно располагались по краям камеры в направлении главной оси гробницы. Часто следующее поколение жителей использовало вновь старые могилы; при этом более ранние скелеты собирались в кучу в одном из углов камеры, уступая место новым покойникам; погребальный инвентарь прежних погребений большей частью выносился из камеры и разбивался либо в самом дромосе, либо вообще вне погребения; следы разбитых сосудов частично обнаруживаются и в самой камере. Качество ваз при этом не играло никакой роли. Часто прекрасные вазы с блестящим лаком выбрасывались в дромос, уступая место трафаретной субмикенской керамике. Так, в погребениях на Moschu Vunara, где почва более благоприятствовала большей устойчивости и сохранности гробниц, последовательность захоронений в тех же гробницах продолжалась вплоть до конца микенского периода на острове. Вазы с блестящим лаком (по определению Фуртвенглера—вазы 3-го стиля) уничтожались, заменяясь сосудами с матовой, темноватой окраской, малыми по размеру, значительно беднее по форме, со схематическим линейным орнаментом, во многих случаях с элементами геометрического стиля⁴.

Керамика микенского некрополя в целом дает обильный материал для наблюдений и сопоставлений; в родосском музее представлено уже 600 различных форм, причем некоторые образцы являются пока единственными в своем роде. В основном по технике всю керамику можно разделить на две одновременно сосуществующие группы (вазы 3-го и 4-го стиля, по Фуртвенглеру): группу с блестящим лаком и группу с матовой, темноватой окраской. Сосуды обоих типов представлены примерно в одинаковой пропорции и встречаются одновременно в одних и тех же погребениях, обычно с явным

¹ Ср. у B l i a k e n b e r g 'a, Rhodische Urvölker, «Hormes», 50 (1915), стр. 274.

² B l i n k e n b e r g, Die lindische Tempelchronik, IV, Bonn, 1915.

³ M a i u r i, Ialisos, «Annuario della R. Scuola Archeologica di Atene», VI—VII (1923—24), Bergamo, 1926.

⁴ Maiuri, ibid., стр. 242.

преобладанием одного из них, причем это явное преобладание налицо не только в отдельных погребениях, но иногда и в целых группах погребений. Сосуды обоих типов, как это может сейчас считаться уже установленным, являются продуктами *местного*; родосского производства. Только весьма немногочисленные отдельные экземпляры являются привозными с Крита, с Кипра или из Арголиды¹.

Таким образом, раскопки последнего периода с несомненностью установили отрицавшееся ранее наличие на Родосе местных керамических центров. Тем самым устанавливается, что на Родосе не было «колониаторской верхушки», которая обслуживалась «импортными товарами», в то время как основной массив населения оставался бы незатронутым микенской цивилизацией. Нет, весь остров был охвачен микенской культурой, и родосские гончары обслуживали своей продукцией все основные нужды своего острова.

Выводы о жизни на Родосе приходится делать на материале погребений, что, при общепризнанной консервативности погребального ритуала, не всегда адекватно способу жизни. Поэтому выводы, к которым приводит материал некрополей, могут рассматриваться лишь как предварительные.

При изучении материалов родосских некрополей наше внимание привлекли следующие факты.

1. Наличие в ряде погребений наряду с труположением—кремации.

2. Медленное и эволюционное отмирание микенского периода с переходом его в архаику: в погребениях—к кремации, в керамике—к сосудам геометрического стиля, в идеологии—к пережиточным формам критских религиозных представлений.

Рассмотрим отдельно эти основные моменты.

Маюри специально исследовал вопрос о погребениях, в которых, наряду с труположением, имело место и трупосожжение. Таких погребений (из 60 раскопанных Маюри)—5; два из них на Makru Vunara (из 26) и 3—на Moschu Vunara (из 34). Все эти погребения являются коллективными (не менее 2, не больше 10).

Первое из этих погребений² (XVII) содержало до 10 захоронений; однако, кроме общего замечания, что костяки ориентированы по оси погребения (ССЗ и ССВ), определить ничего не удалось, так как камера сильно разрушена. Богатый инвентарь (до 75 сосудов)—местного производства, т. е. с характерным спиральным орнаментом, причем некоторые из форм до сих пор не были известны в позднемикенской керамике. Обращает на себя внимание кувшинчик с изображением змеи, ползущей по направлению к горлышку сосуда, три золотых кольца, три небольших цилиндра (один с резным изображением), остатки ожерелья, бронзовое оружие и большое железное кольцо, составленное из кусков, в форме круглого браслета (нужно сказать, что это единственный случай находки во всем микенском некрополе Ялиса). В погребении также найдена женская глиняная статуэтка с воздетыми руками.

У входа в камеру (в ее правом и левом углах) по обе стороны—два круглых колодцеобразных углубления со следами кремации. Оба они сравнительно небольшого размера (А—0,45Х0,30; Б—0,30Х0,30), оба покрыты грубо обработанными плитками из песчаника. Внутри этих углублений—кости, принадлежащие в каждом случае одному покойнику, с той только разницей, что в углублении А они лежат просто на дне, а в углублении Б они собраны в круглую амфору с одной ручкой, которая занимает почти целиком внутренность углубления.

Кроме погребения XVII на том же холме в одном из расположенных по соседству погребений также налицо кремация с труположением (погребение XIX)³. Здесь в камере, сильно пострадавшей от обвала свода, было захоронено, повидимому, не менее 4—5 человек. Вдоль стенки камеры расположено колодцеобразное углубление неправильной формы (0,55×0,36; глуб. 0,20), ничем не покрытое; в углублении—плотное нагромождение полусожженных и поломанных костей и миниатюрная ойнохоа.

¹ Maiuri, *ibid.*, стр. 243.

² Maiuri, *ibid.*, стр. 117—127.

³ Maiuri, *ibid.*, стр. 128—133.

В камере обнаружены 23 сосуда, из которых интересно отметить небольшую гидрию, рисунок на которой, повидимому, является копией фрески и необычен для микенской керамики. Это изображение двух птиц с распушенными крыльями, погруживших клювы в коронки мясистых цветов среди густого кустарника. Аналогю, однако, мы встречаем в некрополе Феста, что указывает, по нашему мнению, либо на общее критское происхождение этих сосудов, либо на единый источник подражания—одну из фресок дворца Феста или Кносса. В связи с этим интересно отметить еще одну гидрию этого же погребения, на этот раз местного происхождения, со стилизованным изображением двойного топора; такого же типа изображения имеются на одном из ларнаков Палекастро и на двух фрагментах из Кносса и Агии Триады.

На Moschu Vunaga мы имеем три погребения, в которых налицо также одновременно наличие трупоположения и кремации. Первое из этих погребений (XV)¹, включает в себе два костяка, расположенных по бокам камеры (СЗ и ЮВ); у стены (ЮВ) погребальный сосуд с сожженными костями. В погребении обнаружено 25 сосудов. Погребальный сосуд с обожженными костями по форме совершенно идентичен с сосудами XVII и XXII погребений.

Второе из погребений (XXXII) включает в себе 9 захоронений, 7 из которых расположены в ряд по оси дромоса, а два—по южной стороне камеры, с черепами, повернутыми на ЮВ. В полу камеры три небольших грубо округлых углубления: два из них слева и справа от входа и одно почти в центре камеры. В одном из них (СЗ) погребальная амфора (типа погребения XVII и XV), наполненная сожженными костями. В двух других, меньших по размеру—следов захоронения нет, но, как предполагает Маюри, не исключена возможность, что это детские погребения, поскольку в каждом из них сделана обычного типа колодцеобразная ямка для кремированных останков. Керамика представлена 58 сосудами, которые, вместе с сосудами погребения XVII, представляют образцы, типичные для всей позднемикенской родосской керамики. Эта керамика интересна еще и тем, что в ряде форм и в орнаментации она, по характеристике Маюри, представляет переходные формы, последовательно подводящие к геометрической керамике. Кроме керамики—значительное количество бронзового вооружения и костяных изделий (в том числе веретено), бусы от ожерелья, золотая пластинка от головного убора (унаследованная затем и в архаических некрополях) и обычного типа женская глиняная статуэтка со сведенными над головой руками.

И, наконец, в последнем погребении этого рода (XXXVIII)² налицо явные следы двух погребений, произведенных в разные периоды позднемикенского III периода. Скелет последнего погребения расположен в центре камеры, между тем как справа от входа в углу камеры сложены в кучу кости прежних скелетов (повидимому, двух последовательных захоронений). В с.-в. углу круглое колодцеобразное углубление с сожженными и отчасти разбитыми костями взрослого человека. Керамика первых погребений, относящаяся к лучшим образцам родосской продукции, обнаружена в разбитом виде в дромосе и отчасти в камере; интересно отметить два фрагмента большого кратера с изображением конных воинов, напоминающих по типу и технике рисунка вазу воинов микенского некрополя (изображения их Маюри, к сожалению, не дает). Керамика более позднего погребения, матового тона с элементами геометрического стиля, представлена 33 сосудами.

Таким образом, в пяти вышеперечисленных погребениях мы имеем 3 захоронения в кувшинах (амфорах) и 5 погребений без них. То, что эти кости являются человеческими останками, а не следами жертвоприношений, засвидетельствовано анатомическим исследованием, произведенным специалистом. Исследование показало, что здесь мы имеем дело с законченной кремацией, производившейся при средней температуре. После кремации кости аккуратно собирались с костра, а затем разламывались, с целью протолкнуть их в горлышко сосуда. Интересно отметить, что погребальная амфора (одинаковая во всех погребениях) орнаментирована горизонтальной поло-

¹ Maiuri, *ibid.*, стр. 172—182.

² Maiuri, *ibid.*, стр. 189—194.

сой по центру сосуда и узкими линиями вдоль ручки. Аналогичные амфоры представлены также и в числе погребального инвентаря XVII и XXXII погребений, так что кремацию здесь, причем одновременную с захоронениями, можно считать твердо установленной.

Вопрос о трупосожжениях в микенский период неоднократно обсуждался в литературе. Дёрпфельд утверждал, что кремация применялась не только в гомеровский период, но и до него и после него. «Общепризнано,—говорил он,—что в Греции в классический период мертвецы погребались несожженными, и только в очень незначительной части сжигались. Наоборот, в гомеровское время у греков всегда применялось сожжение, а в микенскую и доисторическую эпоху опять почти исключительно было в ходу погребение несожженных трупов». Указывая на тот факт, что все народы всегда наиболее консервативны в своих погребальных обрядах, Дёрпфельд считает невероятным такое неоднократное и резкое изменение погребальных обрядов в Греции, которое обыкновенно используется как доказательство неоднородности гомеровской и микенской культуры. На самом деле, утверждает Дёрпфельд, дело обстоит совсем не так. Во все времена у греков был один и тот же способ погребения—сначала сожжение, затем захоронение. Сожжение, однако, было обычно частичным, и только в отдельных случаях—полным (*Brennung*, а не *Verbrennung*)¹.

Этот обычай был введен первоначально в чисто практических целях—для устранения запаха гниения, который при системе открытых гробниц был бы невыносим для окружающих, а также и в целях большей сохранности трупов. Именно этим и объясняется, по его мнению, наличие золы в шахтовых и купольных гробницах микенского периода.

Несмотря на все остроумие и тонкость, с какими Дёрпфельд развивал свою теорию о частичном трупосожжении, эта гипотеза, как нам кажется, не имеет права на существование. В свое время М. Цундас собрал большой материал по погребениям, содержащим полусожженные остатки человеческих тел²; однако это объясняется скорее неумением регулировать огонь костра или затуханием костра вследствие отсутствия притока свежего воздуха (в случае, когда кремация совершалась внутри погребения), но ее нельзя рассматривать как переходную стадию от захоронения к кремации и наоборот. Прежде всего гипотеза Дёрпфельда не выдерживает критики уже потому, что следы золы в погребениях обнаружены лишь в единичных случаях; во многих случаях зола смешана с костными остатками животных, что явно свидетельствует о имевших место жертвоприношениях.

Вообще, как кажется, можно считать твердо установленным, что преобладающей формой погребения в крито-микенском обществе было трупоположение, а не кремация. Это, конечно, не исключает того, как это отмечают Габричи, Орси и Фолльграфф, что налицо были и другие способы захоронения.

На самом Крите в раскопках некрополя вблизи Феста Савиньони обнаружил две кремации во рву—мужское и женское погребение. Он отмечает, что часть костей обуглена, другие только почернели, и делает отсюда вывод о неполной кремации при сожжении покойников в самом погребении. Конечно, говорит он, кремация внутри погребения была не легкой, и если бы он не видел это своими глазами, он не стал бы этого утверждать³. Мужское погребение, по его определению, было погребением воина, поскольку здесь обнаружено, наряду с позднекритскими сосудами, большое количество бронзового вооружения. В женском погребении было обнаружено ожерелье с золотыми и стекловидными бусами.

На Крите же на южных склонах Иды (Куртес) раскопки Гальбгерра в небольших купольных погребениях с явным преобладанием геометрического инвентаря обнару-

¹ M. D ö r p f e l d, *Verbrennung und Beerdigung d. Toten im alten Griechenland*, «CR du Congrès intern. d'Archéologie», Athen, 1905, стр. 161); *Verbrennung u. Bestattung d. Toten im alten Griechenland*, «Mélanges Nicole», Genève, стр. 95 сл.

² 'Εφ.ἀρχ., 1885, стр. 39 сл.

³ L. Savignoni, *Mon. ant. dei Lincei*, XIV, 1905, стр. 501—666.

жили кремацию¹, причем, как это подчеркивает Тарамелли², в погребениях, по форме своей и по идее отнюдь для этого не предназначенных. Таким образом, и в этом некрополе мы видим сосуществование погребений с более древним в данной культуре обычаем захоронения и с более поздним обычаем—кремацией.

В Средней Греции, в частности на Саламине и в Навплии, в позднемикенских некрополях также налицо отдельные случаи кремации. Раскопки шахтных гробниц на Саламине, произведенные Каввадием в 1893 г., дали на 100 погребений два случая кремации³.

Большой интерес представляют находки в Гиссарлыке, некрополь которого раскапывали Патон⁴ и позже Дюммлер⁵. Этот некрополь относится как раз к переходному периоду от позднемикенского к геометрическому, и поэтому здесь, наряду с микенской керамикой и бронзой, налицо уже раннегеометрический материал и железо. Основным типом погребения является здесь трупосожжение, причем кремированные остатки хоронились в родовых погребениях.

Способ захоронения (кремация) здесь явно не соответствует формам погребения, предназначенным для трупоположения. Для погребения в урне вовсе был не нужен и слишком громоздок тип толосного или камерного погребения. Паульсен отмечает, что в переходный период к дипилону трупосожжение преобладает над трупозахоронением, а дипилонские гробницы свидетельствуют уже о широком распространении кремации⁶.

Этот материал неоднократно привлекал внимание ученых. Оставляя в стороне уже упоминавшуюся гипотезу Дёрпфельда о неполной кремации, как несостоятельную, я остановлюсь на некоторых, особенно распространенных, точках зрения.

Перро и Шипье⁷ являются наиболее ревностными защитниками той крайней точки зрения, которая допускает кремацию лишь для рабов и клиентов семейно-родовых погребений знати. Фольграфф⁸ объясняет кремацию в континентальной Греции наличием домикенских слоев населения, у которых мог быть распространен этот обычай. Он аргументирует при этом свою точку зрения следующими соображениями: домикенское население, ассимилировавшееся позднее с микенскими греками, «содержало уже в себе гетерогенные элементы». Микенская керамика отлична от домикенской, которая сосуществовала с ней в период микенского господства; ссылаясь на Кречмера и Виллемса, он говорит о домикенских названиях средиземноморской флоры и фауны, заимствованных у аборигенов пришельцами с севера. То же различие микенской и домикенской архитектуры, говорит он, показано Ноаком в его исследовании о гомеровских дворцах. Именно этим переживанием древних домикенских слоев он и объясняет наличие в отдельных случаях кремации в качестве второстепенного и затухающего способа погребения. Иначе—зачем же для кремации используются в Арголиде микенские подземные сооружения, отнюдь не предназначенные для подобных погребений?⁹

Что же представляют собой айлские погребения в свете этих данных, собранных западноевропейскими учеными?

¹ E. Halbherr, AJA., 1901, стр. 287—293.

² A. Taramelli, *ibid.*, стр. 300—301.

³ Kavvadias, Catalogue des Musées d'Athènes, 1894 стр. 2л.; Wido, Gräberfunde aus Salamis, AM 35 (1901), стр. 17 сл.

⁴ JHS, VIII, 1887, стр. 64 сл.

⁵ AM, XIII (1888), стр. 273 сл.

⁶ Fr. Paulsen, Die Dipylongräber u. die Dipylonvasen, Lpz., 1905, стр. 1.

⁷ Perrot et Chipier, Hist. de l'art, t. VI, 1894, стр. 564 сл.

⁸ Vollgraff, BCH, 1904, стр. 395 сл.

⁹ Общие соображения Vollgraff'a как будто бы подтверждаются выводами Zehetmaier'a («Leichenverbrennung u. Leichenbestattung im alten Hellas», Lpz. 1907), который утверждает наличие трупосожжений в домикенский период в Греции. Однако датировка и трактовка им элевсинского материала остаются крайне спорными.

Прежде всего, мы видим здесь не встречающееся в других местах одновременное применение в одной и той же гробнице кремации и захоронения. Необходимо обратить внимание еще на один факт, а именно—на полную однородность гробниц яласского некрополя; они различаются в основном лишь небольшим колебанием размеров камеры и длины дромоса, причем эта однородность погребальных сооружений характерна не для одного только Ялиса, а для всего острова. Такой однородности мы, насколько мне известно, в этот период нигде не встречаем. Даже на минойском Крите, где все как будто говорит об однородности его культуры, налицо, как показала нам в свое время Холл, 8 разных типов погребений¹.

Эта однородность явно свидетельствует об этнически однородном происхождении населения Родоса, что укрепляет, повидимому, данные традиции о колонизации его с Крита.

Далее—все погребения являются погребениями коллективными. Это, в свою очередь, говорит о прочном родовом укладе жизни ранних родосцев. Погребения являются родовыми, точнее, семейно-родовыми погребениями, связанными единством культа и единством происхождения. Самое расположение погребений небольшими, тесно соседствующими группами (примерно 4 на Мосху Вунара и 2 на Макра Вунара) говорит об их семейно-родовом характере. Этот факт можно считать бесспорно установленным².

Наконец, все или почти все погребения, в которых наличествует кремация, относятся к позднемикенскому периоду. В очень многих погребениях этого типа погребальный инвентарь дает или образцы геометризации микенской керамики, или даже, как в некрополе Гиссарлыка, раннегеометрический материал,—в этих погребениях (так, например, в яласском погребении XVII) впервые встречается железо. Орси правильно отметил это соприкосновение микенского стиля с геометрическим в погребениях с кремацией. Следовательно, причину появления кремации нужно искать не в прошлом, как думает Фольграфф, а в том наступающем периоде, где кремация станет наиболее распространенным способом погребения,—«геометрический» Родос уже знает кремацию как основной способ захоронения.

Предположение Маюри, что в Ялисе сжигались рабы—дреллеги или карийцы, не блещет новизной. Предположение, что «благородные семьи захороненных» хоронили вместе с собой рабов, не выдерживает критики, хотя бы потому, что эти случаи слишком единичны и погребения с кремированными «рабами» по своему богатству не слишком резко выделяются из погребений остального большинства «благородных семей», обходившихся почему-то без этого ритуала.

Когда мы встречались с фактом наличия в одном и том же некрополе среди одновременных погребений и с фактом кремации и с фактом захоронения, мы могли предполагать, что здесь произошло захоронение представителей двух разных этнических группировок². Однако встать на этот же естественный путь размышлений в случае с яласскими захоронениями Маюри не решается; между тем, учитывая крайнюю консервативность погребальных обычаев, это наиболее естественный путь. Наличный материал, и материал далеко не одного Родоса, говорит о медленном и эволюционном отмирании микенской культуры. Уже такой крупный археолог, как Фуртвенглер, изучая микенские вазы и давая классический анализ сменявшихся в разные периоды орнаментальных стилей, должен был установить, что «вазы 3-го стиля непосредственно предшествуют дипилонским, а вазы 4-го стиля одновременны с ними, так что и те и другие конкурировали друг с другом...»

Геометризация микенской керамики начинается раньше падения Микен; гробницы микенского периода, предназначенные для захоронения, используются для кремации

¹ Цитирую по D u s s a u d, *Les Civilisations préhelléniques*, Paris, 1914, стр. 35.

² На семейно-родовой и даже клановый характер планировки того же типа камерных погребений в Микенах уже было обращено внимание. Ср. M. A. W a s e, *Chamber tombs at Mycenae*, «*Archeologia*», LXXXII, 1932, стр. 121.

также раньше падения Микен; железо появляется в микенских погребениях раньше дорийского завоевания, и не только в виде колец, но и в виде оружия, как то подтверждает находка железного меча в купольной гробнице Мулианы в микенский период*. Кроме того, ряд новых поселений, характеризующихся явным переходом к геометрическому стилю на базе микенского, появляется именно в этот период, еще предшествующий падению Микен.

Все это говорит о том, что просачивание дорийцев предшествовало завоеванию и что в большинстве районов, особенно в удаленных от критико-микенской культуры, появление дорийцев не сопровождалось с самого начала военным разгромом и порабощением местного населения.

Именно в этом освещении, мне кажется, может быть понято сосуществование двух типов погребений в одной и той же камере.

Естественно предположить, что дорийцы, попавшие на Родос и на первых порах растворявшиеся среди представителей микенского периода, входили путем брака в семейные коллективы родосских общин, сохраняя, однако, свой ритуал погребения и передавая его детям по мужской—дорийской—линии, если действительно прав Маюри, предполагающая в двух случаях наличие детских кремированных погребений.

В дальнейшем, когда волна дорийских переселенцев целиком захлестнула Родос, трупосожжение в раннеродосских некрополях становится основной формой погребения, хотя еще долгое время чувствуется влияние микенских слоев в орнаменте керамики уже геометрического стиля, в унаследовании форм сосудов, в преобладании религиозно-магических представлений.

К. М. Колобова

ОБЗОР ОТКРЫТИЙ В ОБЛАСТИ ЛАТИНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ ЗА XX ВЕК¹

РИМ И ИТАЛИЯ

РИМ

Из опубликованных за рассматриваемый период римских надписей, пожалуй, наибольшее внимание привлечет декрет Помпея Страбона из периода союзнической войны о даровании за заслуги прав римского гражданства испанским всадникам². Эта надпись вызвала большую литературу³. Значительное внимание привлечет также большой фрагмент акта о секулярных играх 204 г.⁴ Ему посвящено большое количество работ. Hülse⁵ дает подробный анализ надписи, восстанавливая ее элементы: сенатский декрет об играх, декрет коллегии квиндецемвиров, письмо императора об играх, постановления о пожарной охране во время празднества, о раздаче народу, о порядке празднества. Не вся надпись одинаково сохранилась. Текст *sacrae saecularis* сильно разрушен. Попытки его восстановления делают Hülse, G. Funaioli,⁶ Romanelli⁷, Gagé⁸, E. Diehl⁹. Интересный анализ надписи дает Ross Taylor¹⁰, которая высказывает предположение, что первые секулярные игры были отпразднованы в 348 г. до н. э. в связи с назревавшим конфликтом Рима с латинами.

Значительное внимание вызвал ряд важных для римской хронологии отрывков фаст консульских за 374, 423, 424 гг. от основания Рима и 46, 84—86, 94, 96, 98, 109—113 г. н. э.¹¹; триумфальных за годы 176—165 до н. э., 189—187 до н. э.¹²; а также фрагменты актов арвальских братьев за 176, 238, 239 и 240 гг. н. э. и фрагмент фаст авгуров¹³. Они прокомментированы в ряде статей¹⁴. Интересно отметить, что акты арваль-

* Ср. 'Ер. дрх., 1904, стр. 22 сл.; D. F i m m e n, *Kretisch-mykenische Kultur*, 1924, стр. 145.